
Л. А. ГЕРД

ЕЩЕ ОДИН ПРОЕКТ «РУССКОГО КОНСТАНТИНОПОЛЯ».
ЗАПИСКА Ф. И. УСПЕНСКОГО 1915 г.

Μόρε τούρκο, τουρκαλάδες
Να προσέχετε καλά,
Γιατί ο Ρούσος κατεβαίνει
Με τά άρματα πολλά.
Ως και τα μικρά Ρουσόπλα
Εφορούσανε σπατιά
Για να πάρουνε την Πόλη
Και την Αγία Σοφία.¹

Образ Константинополя, Второго Рима, столицы христианской ойкумены, с давних пор занимал важное место в сознании образованного русского человека. Падение столицы Греческого царства, от которого Русь получила христианскую веру, а вместе с ней религиозное и политическое мировоззрение, послужило толчком к разработке идеи наследия Византии на русской почве. Московское государство, единственная свободная православная монархия, начинает осмысляться как естественная преемница Византийской империи. До середины XVII в. эти идеи не имеют реального политического значения; они рассматриваются преимущественно в эсхатологическом контексте. Со времен же Алексея Михайловича, когда Россия настолько окрепла, чтобы проводить самостоятельную активную линию в отношении Османской империи, освобождение восточных христиан и их древней столицы от турецкого ига становится одной из целей русской политики.²

¹ Записано автором в июле 2004 г. со слов Олимпии Далакмановой, жительницы г. Созопол (Болгария), уроженки одного из предместий Константинополя.

² Кантрев Н. Ф. Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. Сергиев Посад, 1914; Алексеев Ю. Г. Россия и Византия: конец ойкумены // Вестник СПбГУ. 1994. Вып. 1. № 2. С. 12—25; Ситницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998; Успенский Ф. И. 1) Сношения Рима с Москвой (разбор трудов по русской истории о. Павла Пирлинга) // ЖМНП. 1884. Август. С. 368—412; 2) Брак царя Ивана Васильевича с Софьей Палеолог // Исторический вестник. 1887. Декабрь. С. 680—693; 3) Как возник и развивался в России восточный вопрос. СПб., 1887. Ф. И. Успенский был первым, кто показал западное происхождение идеи «константинопольской вотчины».

Первостепенной задачей России рубежа XVII—XVIII вв. было обеспечение выхода к Черному морю. Ключом же черноморской торговли были проливы Босфор и Дарданеллы и стоящий в устье Босфора Константинополь. Период от Петра I до Екатерины II явился временем завоевания южнорусского Черноморского побережья. Одновременно активизируются контакты с восточными христианами — греками и славянами: ведь именно они должны были послужить опорой России в будущих действиях на Балканах. Ярким выражением политических устремлений конца XVIII в. явился Греческий проект Екатерины, согласно которому на освобожденный константинопольский престол должен был взойти ее внук Константин.³

С царствования Павла I в русском обществе формируется представление об упадке и близкой гибели Турецкой империи: «безнадежным больным» назвал ее автор проекта раздела Турции граф Ростопчин.⁴ Победоносные войны первой трети XIX в. и последовавшее вскоре за этим подписание Ункяр-Искелесийского договора о проливах (1833) явились высшей ступенью влияния России на дела Балкан и Восточного Средиземноморья.⁵ Однако уже через несколько лет, с заключением Лондонских конвенций 1840—1841 гг., русское влияние заменяется английским. Проведение в Османской империи реформ (Танзимат) и поражение в Крымской войне обусловили ту неблагоприятную для России политическую ситуацию, которая имела место с 1850-х гг. до Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Отмена условий Парижского трактата, запрещавшего строительство черноморского флота, и победоносная Русско-турецкая война 1870-х гг., казалось, должны были вернуть России прежнее влияние на православном Востоке. Тем не менее Берлинский трактат 1878 г. показал, что, несмотря на огромные жертвы войны, Россия не может проводить самостоятельную политику на Балканах. Период 1878—1912 гг. был временем подготовки великих держав к окончательному решению восточного вопроса — разделу османского наследства на сферы влияния между Россией, Англией, Францией, Австро-Венгрией, Германией и Италией.⁶

³ Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI—XIX веках, критическая оценка и будущие задачи): Историко-юридические очерки. М., 1896. Т. 1—2; Маркова О. П. О развитии так называемого «греческого проекта» (80-е годы XVIII в.) // Вопросы методологии и изучения источников по истории внешней политики России. М., 1989. С. 5—46; Стегний П. В. Еще раз о греческом проекте Екатерины II: Новые документы из АВПРИ МИД России // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 100—118.

⁴ Записка графа Ф. В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы павловского царствования // Русский архив. 1878. Кн. 1. С. 104.

⁵ Муравьев Н. Н. Русские на Босфоре в 1833 г. М., 1869.

⁶ Единодушие в вопросе русской политики в восточном Средиземноморье, впрочем, не было как при Александре III, так и при Николае II. В первые годы после Русско-турецкой войны сторонники реванша сдерживались политическим реализмом императора, который видел единственную возможность для укрепления России в мире с великими державами. После смерти Александра снова звучат голоса в пользу скорейших действий по овладению Босфором. Однако и на этот раз взяла верх более умеренная точка зрения:

Конец XIX столетия во многом обусловил те течения и события, которые имели место в 1900—1910-е гг. В России это время возрождения византийских идеалов государственной власти, развитие идеи *translatio imperii* на новом уровне. Несмотря на неудачи минувших десятилетий, в русском обществе разрабатываются грандиозные имперские проекты: Россия, единственная православная монархия, мыслилась как центр всего православного мира. Таким образом должна была осуществиться идея восстановления византийской ойкумены, сообщества православных государств во главе с русским императором. Завоевание Константинополя представлялось делом ближайшего будущего. С разных точек зрения эти проекты разрабатывались профессиональными политиками и дипломатами, представителями Военного ведомства, философами и публицистами, а также учеными-историками.⁷

Первое место здесь, несомненно, принадлежало византинистам. Кому, как не исследователям политической и церковной истории Византии, было давать научное обоснование имперских амбиций России эпохи ее наивысшего могущества? Целый ряд ученых, в первую очередь историков Церкви, обсуждает в печати политические события на Балканах и Ближнем Востоке. Профессор Петербургской духовной академии И. Е. Троицкий на протяжении 20 лет был первым советником К. П. Победоносцева по восточному вопросу в церковной политике.⁸ Самый расцвет русской школы византистики конца XIX—начала XX в. имел ме-

более того, участник совещания в ноябре 1896 г. С. Ю. Витте считал, что вопрос о проливах уже утратил свое значение, а главное внимание России должно быть сосредоточено на Дальнем Востоке. См.: *Хвостов В.* 1) Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. 1931. Т. 4—5 (47—48). С. 64—67; 2) Проблема захвата Босфора // Историк-марксист. 1930. Т. 20. С. 100—129; История дипломатии. Т. 2. С. 342—343; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII—начало XX в. М., 1978. С. 270—271; *Княгиня Н. С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века. М., 1994. С. 15—20. Свою позицию по этому вопросу Витте высказывал и позднее. В январе 1900 г. он подчеркивал, что применение военной силы на Босфоре приведет к ослаблению российских позиций в других местах (Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г. // Красный архив. 1926. Т. 5 (18). С. 3—29). Русско-японская война и революция 1905 г. отодвинули босфорскую проблему на задний план. Балканские войны 1912—1913 гг. снова привлекли внимание к проблеме проливов, а начало Первой мировой войны послужило сигналом к решительным дипломатическим действиям в этом направлении.

⁷ По сути дела, эти проекты представляли собой продолжение планов раздела Османской империи предыдущих десятилетий. Некоторые из них носили совершенно абстрактный характер, другие, напротив, казались близкими к осуществлению. В качестве переходной ступени в первые десятилетия после 1878 г. выдвигался проект Балканской конфедерации (записка Д. А. Милотина от 5 октября 1880 г. «Мысль о возможном решении восточного вопроса в случае окончательного распада Османской империи». *Княгиня Н. С.* Балканы и проливы во внешней политике России... С. 15—20). Дальнейшие события на Балканах, впрочем, показали несбыточность подобных проектов. Наряду со сторонниками военного разрешения восточного вопроса в конце XIX в. были и специалисты, считавшие возможным мирное разграничение на основе норм международного права (*Жигарев С.* Русская политика... Т. 2. С. 467).

⁸ Основная часть его записок по политическим вопросам составлялась для внутреннего пользования. Выражением взглядов Троицкого могут в известной мере служить его статьи в «Православном вестнике» — официальном органе Св. Синода. Он считал, что

сто не без влияния потребностей времени.⁹ Благодаря многочисленным работам историков России и Византии, а также основанным на них газетным и журнальным публицистическим статьям, к началу Первой мировой войны у значительной части русской читающей публики не вызывало сомнения, что историческое призвание России состоит в окончательном освобождении восточных христиан и овладении Константинополем и проливами.

Не мог оставаться в стороне от проблем времени и основатель Русского археологического института в Константинополе, один из «столпов» русской византистики Федор Иванович Успенский. Правда, он понимал, что в целях обеспечения безопасной и успешной научной работы, связанной с археологическими экспедициями в разных частях Турции, институт не должен компрометировать себя участием в политике.¹⁰ Хотя РАИК успешно сотрудничал с иностранными коллегами, в том числе с монахами католических орденов, Успенский решительно отвергал все попытки использовать его аудиторию в церковно-политических целях.¹¹

С началом Первой мировой войны в 1914 г. из Константинополя были поспешно эвакуированы как русское посольство, так и Археологический институт. Великая война, казалось, должна была реализовать надежды русских политиков последних двух столетий. С самого начала войны русская дипломатия вела активные переговоры со своими английскими и французскими коллегами о будущем разделе Турции. Целью России было закрепить за собой Константинополь и прилегающие к нему области по берегам Босфора. Тем самым была бы достигнута давняя цель русской политики — обеспечение безопасности южных границ России и свобода левантйской торговли. На это были направлены переговоры 1914—начала 1915 г. министра иностранных дел С. Д. Сазонова с министрами Великобритании и Франции. В ходе переговоров со-

Россия как единственная православная великая держава в мире должна по праву занять первенствующее положение среди восточнохристианских народов, а ее император стать их главой. Претензии греков на восстановление Византийской империи были, по мнению Троицкого, беспочвенными. Свои взгляды ученый основывал на глубоком знании византийской истории; информацию о современном ему положении вещей он черпал из греческих газет и писем неофициальных корреспондентов. См.: Россия и православный Восток: Константинопольский патриархат в конце XIX в. Письма Г. П. Беглери к проф. И. Е. Троицкому / Изд. подгот. Л. А. Герд. СПб., 2003.

⁹ Изучение петербургской школы русского византиноведения явилось предметом многолетних разысканий специалистов в рамках программы «Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге», опубликованных в трех объемистых томах под редакцией чл.-корр. РАН И. П. Медведева: Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995; Рукописное наследие русских византистов. СПб., 1999; Мир русской византистики. СПб., 2004.

¹⁰ О деятельности РАИК см.: *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1999; *Παποβλίδης Κ. Κ.* Το Ρώσικο αρχαιολογικό ίδρυμα του Κωνσταντινουπόλεως (1894—1914). Θεσσαλονίκη, 1984. Β' εκδ. 1987.

¹¹ Так, в 1896 г. было отказано иезуиту С. Тондини, прибывшему в Константинополь для обсуждения реформы календаря. Письмо Г. П. Беглери к И. Е. Троицкому от 11/14 февраля 1896 г. (Россия и православный Восток... С. 354—356).

стоялось заседание Государственной думы 27 января / 9 февраля 1915 г., на котором Сазонов открыто говорил о славе русского оружия и близости минуты разрешения экономических и политических задач, связанных с выходом России в свободное море. В ответ на это выступление член Думы Н. П. Милуков сказал: «Мы с удовлетворением выслушали сообщение руководителя нашей внешней политики и узнали из него, что осуществление наших национальных задач стоит на верном пути. Мы уверены, что выполнение главнейших из этих задач — приобретение проливов и Константинополя — будет совершенно обеспечено как дипломатическими, так и военными средствами».¹² Кульминацией этих переговоров явилась подача Сазоновым ноты 4 марта 1915 г. английскому и французскому послам с требованием удовлетворения российских условий в случае успешного окончания войны. Союзные державы дали свое согласие — Франция 8 марта, Англия 12 марта. В 1916 г. к соглашению присоединилась Италия.¹³

В этой ситуации начали разрабатываться различные планы «русского Константинополя», среди которых должное место занимали проекты будущего церковного устройства города. Каково будет положение Русской церкви по отношению к Константинопольской после обрусения турецкой столицы? Кто будет ставить теперь Вселенского патриарха? Предметом особенного внимания был вопрос о восстановлении русского патриаршества; где же будет находиться патриарший престол? Наконец, наиболее смелые предположения склонялись к тому, что для полноты восстановления византийской картины мира следовало бы и русский царский престол перенести в Константинополь. Авторами этих проектов были церковные иерархи, ученые-византинисты. В архивах сохранилось несколько подобных проектов, некоторые из которых уже опубликованы. Один из них принадлежит перу И. И. Соколова, выдающегося историка Восточной церкви, профессора Петербургской духовной академии. Секретный доклад «Константинополь, Палестина и Русская церковь» был подготовлен в апреле 1915 г. по поручению Св. Сино-

¹² Константинополь и проливы. По секретным документам б. Министерства иностранных дел / Под ред. Е. А. Адамова. М., 1925. С. 240.

¹³ Там же. С. 221—304; Проливы (сборник) / Предисл. Ф. Ротштейна; Доп. статья Е. А. Адамова. М., 1924. С. 88—93; Раздел азиатской Турции. По секретным документам б. Министерства иностранных дел / Под ред. Е. А. Адамова. М., 1924. С. 88—91, 113—127. Предварительное соглашение было крайне непопулярно во Франции, о чем свидетельствует предостерегающая телеграмма посла Извольского от 16/29 декабря 1915 г.: соглашение о проливах и Константинополе прямо ставилось под угрозу в случае возбуждения сомнений «в нашей готовности предоставить Франции выговоренные ею компенсации» (Раздел азиатской Турции... С. 91). Не пользовалось оно популярностью и в Англии, что подтверждается докладом Э. Грэй в парламенте накануне подписания соглашения. 21 февраля 1917 г. министр иностранных дел Н. Н. Покровский резко подчеркнул, что соглашение о проливах не более, чем «вексель», подписанный Англией, Францией и Италией, который останется простым клочком бумаги, если Россия к началу мирных переговоров фактически не завладеет проливами. Октябрьская революция выбросила этот «ненужный клочок бумаги в сорную корзину истории» (Проливы. С. 94). После перемирия 30 октября 1918 г. Англия заняла господствующие позиции в Константинополе и проливах.

да и напечатан типографским способом в количестве 100 экземпляров для внутреннего пользования.¹⁴ Исходя из уверенности в том, что Константинополь «по окончании европейской войны будет принадлежать России», Соколов на основании изложенной им истории Константинопольского патриархата делает вывод, что «перемена в политическом положении Константинополя <...> несколько не должна изменить тот основной канонический status в устройстве и назначении Вселенского патриаршего престола, который закреплен в самосознании всего православного мира и упрочен в историческом своем осуществлении всем существенным содержанием действующего в Греко-Восточной Церкви канонического кодекса».¹⁵ По сути, Соколов продолжает линию, которую на протяжении второй половины XIX в. проводили русские грекофилы (обер-прокурор Св. Синода А. П. Толстой, архим. Петр Троицкий, Т. И. Филиппов, Н. Н. Дурново): Константинопольский патриарх до сих пор является первым по чести в православном мире, и теперь наконец необходимо «восстановить справедливость и понять, что недостатки и злоупотребления греческого духовенства преувеличены врагами православия в высшей степени».¹⁶ «Константинопольский патриарх, — продолжает автор, — в предстоящем своем положении в пределах православного Русского царства должен иметь именно права и обязанности, какие по силе церковных правил принадлежали ему в византийскую эпоху».¹⁷ В турецкое время положение Вселенского патриарха было униженным и не соответствовало его высокому званию; «третье завоевание» Константинополя вернет патриаршему престолу его истинное назначение — быть центром вселенной, т. е. всего православного мира. Поскольку гражданская власть патриарха, полученная им от турецких султанов, в новых условиях будет упразднена, то Константинополь «может со всецелым оправданием служить если не постоянной, то временной резиденцией монарха великой Российской державы, фактически воспринимая от сияния царственной короны полноправное значение „Царицы всех городов“».¹⁸ Наконец, в будущем порядке Соколов видит основание для восстановления пентархии патриархатов: русский Петроградский патриарх будет занимать подобающее ему место второго после Константинопольского.

Если Соколов говорит о восстановлении Византии под властью русского царя, т. е., собственно, о воплощении идеи Третьего Рима, то известный русский иерарх митрополит Антоний Храповицкий в том же 1915 г. проповедует осуществление греческой великой идеи — восстановление Византийской империи под властью греков. «В интересах правды, в интересах религии и науки, наконец, в интересах чисто русских национальных Константинополь должен быть сделан столицей Ви-

¹⁴ Лисовой Н. Н. Русская Церковь и патриархаты Востока. Три церковно-политические утопии XX века // Религии мира. История и современность. М., 2002. С. 156—196.

¹⁵ Там же. С. 182.

¹⁶ Там же. С. 170.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

зантийской империи, и все греческие провинции Балканского и Малоазийского полуостровов должны быть в нее включены». Очищение русскими войсками Константинополя от турок следует, по мнению митр. Антония, рассматривать только как первый этап полного освобождения христианского мира от мусульман. Россия должна восстановить «Византийскую империю, объединив теперешнюю свободную Грецию с Цареградом под властью Вселенского греческого патриарха, и тем отблагодарит эллинский народ за то, что он некогда освободил нас от рабства диаволу и ввел в свободу чад Божиих, соделав нас христианами».¹⁹ Россия тем самым получит себе надежного и преданного союзника в исполнении конечной цели — объединении Востока от Кавказа до Палестины под эгидой России.

Не менее фантастическими, хотя и более патриотическими представляются два проекта будущего устройства Вселенской церкви в составе Российской империи, хранящиеся в копиях в архиве А. А. Дмитриевского. «Водворение русской власти в Константинополе, — писал автор записки того же времени, — к чему направлены теперь мысли русских людей, потребует от нее определить ее отношение к Константинопольской церкви». Константинопольская церковь чрезвычайно сократится по отношению своей территории, и она поступит во власть единого с ней государства; этим будет определяться, по мнению автора, и внутренний строй ее учреждений. Чтобы избежать создания ситуации замкнутости греческого духовенства и предупредить его сплоченность против русских, необходимо одному из викариев патриарха быть русским: лучше всего, чтобы им стал Дерконский митрополит, который бы вместе с тем удовлетворял потребностям будущих многочисленных русских жителей Константинополя. При восстановлении святынь Св. Софию следует сделать греческим храмом, а Влахернскую церковь — бесспорно русским.²⁰

«Россия выступила в этой вынужденной войне на защиту угнетенных народностей во имя права и справедливости», — говорилось еще в одной записке времени Первой мировой войны. Поэтому и греки не будут забыты. Вселенская патриархия может рассчитывать на сохранение своих прав и преимуществ с некоторым ограничением объема патриаршей власти. В области школьного дела не будет возбраняться преподавание родного греческого языка, хотя в остальных предметах, не исключая истории и географии, будут сохранены русские программы. Необходимость поставления русского архиерея в Константинополе представлялась бесспорной и автору этого проекта; он, впрочем, высказывал сомнение в целесообразности введения его в состав патриаршего Синода, где тот был бы один против всех. Отношения русского архиерея к греческому высшему духовенству могут быть только братские.²¹

¹⁹ Там же. С. 203, 201.

²⁰ «Константинопольская церковь и русская власть». Машинопись с пометами А. А. Дмитриевского: ОР РНБ, ф. 253, оп. 1, д. 41, л. 20—47.

²¹ «Вселенский патриарх и русская гражданская власть в Константинополе». Б/д, Б/п.: Там же, л. 48—50.

Одна из таких записок, датированная 23 марта 1915 г., принадлежит Ф. И. Успенскому. Будучи реалистом, он не обольщался мечтами о создании идеальной картины русского Царьграда. Напротив, в весьма сдержанных выражениях ученый предостерегает против романтических иллюзий в церковной политике. Успенский далек от мысли о возможности установления прочного русского владычества в Константинополе: занятие города русскими войсками будет, скорее всего, временным, и поэтому нечего и думать о русификации города и его окрестностей; единственный способ сохранения спокойствия греков — не нарушать установленного канонического порядка церковной жизни. В отношении к грекам Успенский близок к точке зрения, которой придерживался в 1880—1890-е гг. И. Е. Троицкий: доверять им не следует и ждать братской любви от них также нечего.

Совсем в другом тоне написана вторая часть записки, посвященная Св. Софии. Этот памятник, столь важный с научной точки зрения, должен стать символом русского Константинополя. Первую литургию здесь должен отслужить не Константинопольский патриарх, а русское духовенство. Этот знаменательный акт, по мнению Ф. И. Успенского, видимо, и должен был закрепить в сознании всех восточных христиан вселенский, наднациональный характер Св. Софии, а также утверждение власти русских как хранителей православия. В этом отношении позиция ученого сходна со взглядами современных ему историософов. Так, Е. Н. Трубецкой писал: «Храм Святой Софии выражает для нас тот смысл народной жизни, без коего ни богатство народное, ни могущество, ни даже существование нашего народа не может иметь ни малейшей цены — то, ради чего стоит жить России, то, что составляет единственно возможное оправдание ее существования, и то, во имя чего она ведет теперь борьбу не на жизнь, а на смерть против соединенных сил германо-австрийского Запада и турецкого Востока. Все вопросы русской жизни, поднятые настоящей войной, так или иначе завершаются этим одним, центральным вопросом — удастся ли России восстановить поруганный храм и вновь явить миру погашенный турками светоч».²²

Приложение

Ниже публикуется черновой автограф записки академика Ф. И. Успенского с соблюдением правил современной орфографии и пунктуации.

Ф. И. Успенский. Докладная записка о патриархате и Св. Софии. 1915 г.

Ход событий на Ближнем Востоке приближается к роковой для Оттоманской империи развязке. Подготавливающаяся великая катастрофа открывает для России необъятные политические перспективы, имею-

л. 3

²² Трубецкой Е. Н. Национальный вопрос, Константинополь и Святая София // Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 356.

αἰδέεσθαι ἐ ἐπιτάξει, ἐ ἀνα δὰ ἀνεεῖα ἰδ ἀείοειε Ἀὰ ἐαίνε ἐ ἐ ἀ ἐεῖε ἰ -
ό πὸδ ἁ ἁ ἁ ἰὺ ἰὸὺ ἁ ἰᾶᾶ ἀε αἰὺ». Ἰ ἐυαίεα δόννεεἰε ἁ ἐνεαίε ἰπὸαί -
οεί ἰ ὕ ὀ ὀὸδ ἐ ἦ ἁἁὸἁδ, ἰ ἰαίε ἰεὸδ. Αἰὸ ἰεῦ, δαῖνιὰδὸδεᾶαδὺ ὀ ἰε ἐαε
ἰᾶδᾶῦε ὀαἰ ἰ ἰ ἦᾶ ἁἁίεῦ ὀδεῖδᾶίνε ἰεδᾶ ὀ ἰόνὸ ἰαί. Ἐ ἦνεῦ ἁ -
ἰὰ ἦ ἦπὸαί ἀεδὺ « ἐ αἰδέεσθαι ἐπιτάξει, ἀείεα δαἰᾶδᾶ ἰ ἦᾶ αἰὸ δᾶ -
ὀε ἦ Ὀαδᾶ δαἰ ἰ ἰ ἁ ἁ ἦδὺ ἦᾶ αἰῖε δᾶ ἦε ἰᾶδᾶδδᾶ, ἐ ὀαἰ ὀ ἁ -
ἁᾶδὲὸ εἰῖεεἰε ἰᾶδ ἁ ἁ ὀ, ὀ ἰ ἰᾶε ἁᾶ ἦᾶ ἀε ἰᾶᾶ ὀ δᾶ πὸᾶᾶ ἀεᾶᾶ ὀ ἐ
ἁᾶᾶ ἁ ἦᾶ ἁὸ ἁᾶ Ἀ ἐεδ, ἦ ἁᾶ ἁᾶ ἰᾶᾶ ὀδεῖδᾶίᾶε». ¹⁹ Россия тем самым
получит себе надежного и преданного союзника в исполнении конечной
цели — объединении Востока от Кавказа до Палестины под эгидой Рос-
сии.

Не менее фантастическими, хотя и более патриотическими пред-
ставляются два проекта будущего устройства Вселенской церкви в со-
ставе Российской империи, хранящиеся в копиях в архиве А. А. Дмитри-
евского. «Водворение русской власти в Константинополе, — писал
автор записки того же времени, — к чему направлены теперь мысли рус-
ских людей, потребует от нее определить ее отношение к Константино-
польской церкви». Константинопольская церковь чрезвычайно сокра-
тится по отношению своей территории, и она поступит во власть едино-
верного с ней государства; этим будет определяться, по мнению автора,
и внутренний строй ее учреждений. Чтобы избежать создания ситуации
замкнутости греческого духовенства и предупредить его сплоченность
против русских, необходимо одному из викариев патриарха быть рус-
ским: лучше всего, чтобы им стал Дерконский митрополит, который бы
вместе с тем удовлетворял потребностям будущих многочисленных
русских жителей Константинополя. При восстановлении святынь Св.
Софию следует сделать греческим храмом, а Влахернскую церковь —
бесспорно русским. ²⁰

«Россия выступила в этой вынужденной войне на защиту угнетен-
ных народностей во имя права и справедливости», — говорилось еще в
одной записке времени Первой мировой войны. Поэтому и греки не бу-
дут забыты. Вселенская патриархия может рассчитывать на сохранение
своих прав и преимуществ с некоторым ограничением объема патриар-
шей власти. В области школьного дела не будет возбраняться препо-
давание родного греческого языка, хотя в остальных предметах, не ис-
ключая истории и географии, будут сохранены русские программы.
Необходимость поставления русского архиерея в Константинополе
представлялась бесспорной и автору этого проекта; он, впрочем, выска-
зывал сомнение в целесообразности введения его в состав патриаршего
Синода, где тот был бы один против всех. Отношения русского архиерея
к греческому высшему духовенству могут быть только братские. ²¹

¹⁹ Там же. С. 203, 201.

²⁰ «Константинопольская церковь и русская власть». Машинопись с пометами
А. А. Дмитриевского: ОР РНБ, ф. 253, оп. 1, д. 41, л. 20—47.

²¹ «Вселенский патриарх и русская гражданская власть в Константинополе». Б/д,
Б/п.: Там же, л. 48—50.

Одна из таких записок, датированная 23 марта 1915 г., принадлежит Ф. И. Успенскому. Будучи реалистом, он не обольщался мечтами о создании идеальной картины русского Царьграда. Напротив, в весьма сдержанных выражениях ученый предостерегает против романтических иллюзий в церковной политике. Успенский далек от мысли о возможности установления прочного русского владычества в Константинополе: занятие города русскими войсками будет, скорее всего, временным, и поэтому нечего и думать о русификации города и его окрестностей; единственный способ сохранения спокойствия греков — не нарушать установленного канонического порядка церковной жизни. В отношении к грекам Успенский близок к точке зрения, которой придерживался в 1880—1890-е гг. И. Е. Троицкий: доверять им не следует и ждать братской любви от них также нечего.

Совсем в другом тоне написана вторая часть записки, посвященная Св. Софии. Этот памятник, столь важный с научной точки зрения, должен стать символом русского Константинополя. Первую литургию здесь должен отслужить не Константинопольский патриарх, а русское духовенство. Этот знаменательный акт, по мнению Ф. И. Успенского, видимо, и должен был закрепить в сознании всех восточных христиан вселенский, наднациональный характер Св. Софии, а также утверждение власти русских как хранителей православия. В этом отношении позиция ученого сходна со взглядами современных ему историософов. Так, Е. Н. Трубецкой писал: «Храм Святой Софии выражает для нас тот смысл народной жизни, без коего ни богатство народное, ни могущество, ни даже существование нашего народа не может иметь ни малейшей цены — то, ради чего стоит жить России, то, что составляет единственно возможное оправдание ее существования, и то, во имя чего она ведет теперь борьбу не на жизнь, а на смерть против соединенных сил германо-австрийского Запада и турецкого Востока. Все вопросы русской жизни, поднятые настоящей войной, так или иначе завершаются этим одним, центральным вопросом — удастся ли России восстановить поруганный храм и вновь явить миру погашенный турками светоч».²²

Приложение

Ниже публикуется черновой автограф записки академика Ф. И. Успенского с соблюдением правил современной орфографии и пунктуации.

Ф. И. Успенский. Докладная записка о патриархате и Св. Софии. 1915 г.

Ход событий на Ближнем Востоке приближается к роковой для Оттоманской империи развязке. Подготавливающаяся великая катастрофа открывает для России необъятные политические перспективы, имею-

л. 3

²² Трубецкой Е. Н. Национальный вопрос, Константинополь и Святая София // Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 356.

щие для себя основу в религиозных принципах, и вместе с тем ставит перед ней высокой важности обязательства, вполне соответствующие значению ожидаемых выгод. И тем прискорбней то обстоятельство, что до сих пор не выяснилось наше отношение к имеющим совершиться событиям.

Между тем время не ждет. Дабы не уподобиться тем евангельским дедам, которые оказались без масла в светильниках, когда пробил час встречи жениха, необходимо без промедления поставить на очередь и обсудить хотя бы некоторые вопросы, с которыми мы прежде всего встретимся при завладении Царьградом. Имея в виду крайнюю неопределенность // господствующих на этот счет воззрений даже во влиятельных сферах и общеизвестную несогласованность в действиях разных ведомств, можно опасаться, что те органы, которым выпадет жребий первым вводить в Цареграде новое управление, за неимением общей директивы, невольно попадут в ложное положение. Раз допущенная неправильность или ошибка нам обойдется весьма дорого, ибо населяющие Цареград народности, веря в провиденциальное назначение наше владеть их городом, не простят нам тех ошибок, какие легко извинить франкам, т. е. всем другим иностранцам.

Политическую оценку нашего вступления в Цареград нужно соразмерять с теми обязательствами, которые вытекают из принадлежности России к православному обряду, иначе // говоря, политическая важность черпает силу в церковном начале. Два обстоятельства подлежат в этом отношении предварительному зрелому обсуждению: 1) отношение к архиепископу Константинополя, носящему вместе с тем титул вселенского патриарха; 2) взгляд на первостепенный православный памятник в Цареграде, несравненную по изяществу и доселе не превзойденную по архитектурному искусству, Св. Софию.

1) Нельзя без глубокой скорби подумать о том, что по вопросу об отношениях к патриарху высказываются самые противоречивые мнения даже в тех кругах, которые находятся в соприкосновении с каноническими правилами и с церковной историей. Есть теория «Церковной области» в пользу патриарха, или соединения Константинополя с Афоном, или даже с Грецией, мнения даже в тех кругах, которые находятся в соприкосновении с каноническими правилами и с церковной историей, мнения [полные?] отрицания значения патриархата, «они сами по себе, мы сами по себе», или на [...] высказанное мнение о слиянии патриархата со Св. российским Синодом, причем патриарху предоставляется пребывание частью в Цареграде, частью в Москве. //

Все подобные теории в их применении могут угрожать большими осложнениями и, кроме того, носить признаки недостаточного внимания к делу. Реальный взгляд на вопрос нужно заимствовать в том непрекаемом политическом положении патриархата, в котором он оказался вследствие соглашения с завоевателем Константинополя в 1453 г. Не на канонических, конечно, основаниях утверждаются те прюнии (привилегии) патриархата под властью османских турок, которыми так тесно соединены судьбы вселенского патриархата с Турецкой империей. Ни-

как нельзя забывать, что в Константинополе, по переходе его в нашу власть, мы встретим не расположенного к России православного пастыря, а оттоманского чиновника, [...] эллинского народа (εθνάρχης), который тем более будет держаться за старый турецкий режим, что под властью султана в М. Азии останутся многочисленные церковные епархии, зависимые от патриархата. // И кто решится утверждать, что патриарх, [...] вившись влиянием, не признает более выгодным для себя и для интересов эллинизма разделить участь султанского правительства. Ввиду этого положения, основывающегося на государственном праве Турции, нам нужно очень тщательно соразмерить наши первые шаги в Цареграде по отношению к патриарху с намеченным весьма деликатным состоянием вопроса.

л. 5

2) Указанная точка зрения на патриархат упрощает взгляд на наши права относительно храма Св. Софии. У нас преобладает мнение, что первую литургию в Св. Софии должен служить патриарх. Отнюдь нет. Мы освобождаем обращенную в мечеть Св. Софию от мусульманского культа, к патриархии эта мечеть не имеет никакого отношения. Даже напротив, как // турецкий чин, патриарх не может без согласия султана позволить себе располагать мечетью Айи Софии как христианским храмом. Нужно поэтому иметь нам смелость объявить эту мечеть христианским храмом и признать ее «великим царским собором Св. Софии в Цареграде», как она всегда именовалась «Великая церковь».

л. 5 об.

Что касается дальнейших мероприятий по установлению наших отношений к вселенской патриархии, следует придерживаться строго канонических правил и церковной практики при царях византийских. Дабы обставить необходимым авторитетом проект таковых отношений, который должен служить директивой для разнообразных органов русской власти, было бы весьма целесообразно назначение комиссии из сведущих лиц под председательством одного из членов Св. Синода и поручить ей выработать требуемые на сей конец положения.